

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	7
I. В ПРОВИНЦИИ, ВДАЛЕКЕ ОТ МОРЯ	11
II. ДОЛОГ ПУТЬ ДО ОБЭРИУ	37
III. СОЛДАТ, МОНАХ И ЖЕНЩИНЫ	71
IV. “СТОЛБЦЫ”	101
V. ДЕТСКАЯ РЕДАКЦИЯ, ИЛИ РАБЛЕ СВОИМИ СЛОВАМИ	115
VI. БЕССМЕРТИЕ АТОМА	130
VII. “БОЙСЯ, ЗАБОЛОЦКИЙ, ШУМА И ПОХВАЛ...”	181
VIII. ОТ БОЛЬШОГО ДОМА ДО МАЛИНОВОГО ОЗЕРА	206
IX. “И ПТИЦЫ, ОДЕТЫЕ В СВЕЛЫЕ ШЛЕМЫ, СИДЯТ НА ВОРОТАХ ЗАБЫТОЙ ПОЭМЫ”	241
X. ПОЗДНЯЯ СЛАВА И “ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ”	277
Краткая библиография	321
Примечания	327

ОТ АВТОРА

Вокруг больших поэтов рано или поздно возникает миф. Николай Заболоцкий его не создавал, но со временем миф сложился сам собой. Миф такой: Заболоцких было два. Так сказать, Заболоцкий-1 и Заболоцкий-2. Второго знали гораздо лучше. Большой советский поэт, классик XX века, новый Тютчев: “Пишу Вам с той почтительной робостью, с какой писал бы Тютчеву или Державину”, — с такими словами обращался к Заболоцкому Корней Чуковский. При этом критики и читатели помнили, что Заболоцкий когда-то в молодости писал странные стихи, будто под капитана Лебядкина. Это и был Заболоцкий-1. С годами он переменялся, “исправился” или даже “выправился” настолько, что стал другим человеком — Заболоцким-2. Но у первого тоже были свои поклонники. Библиофилы тратили бешеные деньги, чтобы купить в букинистическом драгоценный экземпляр “Столбцов”. Находили в библиотеках старые номера “Звезды”, читали там “Меркнут знаки

СЕРГЕЙ БЕЛЯКОВ

Зодиака” и “Торжество земледелия”. Но для большинства советских читателей Заболоцкий — автор “Не позволяй душе лениться”, “Иволги”, “Облетают последние маки”.

В наши дни Заболоцких по-прежнему двое, только знаки поменяли местами. Современные филологи, поэты, высоколобые читатели ценят Заболоцкого-1 — автора “Столбцов”, знаменитого обэриута. А дальше? А дальше путь великого русского модерниста изменили, исказили, прервали. Сначала критики и литературные доносчики. Потом следователи НКВД и начальники исправительно-трудовых лагерей. И, наконец, русские и грузинские друзья, которые научили поэта, какие стихи нужно писать, а какие — не стоит. Так появился Заболоцкий-2.

Этого нового, “позднего” Заболоцкого сейчас ругают за “Актрису”, за “Признание”, но более всего — за “Некрасивую девочку”. “В современном контексте стихотворение Николая Заболоцкого «Некрасивая девочка» прочитывается как однозначно сексистское. Лучшего примера объективации женщины и сведения всей многосторонности ее человеческой личности исключительно к внешнему благообразию, пожалуй, и не найти”¹, — пишет литературовед и писатель Анна Голубкова*. Стихотворение объявили “сентиментально-китчевым”² и даже, что уж совсем абсурдно, “педофилическим”³. Заболоц-

* Сама Голубкова с таким взглядом не согласна, но она констатирует, что это мнение сейчас распространено среди поэтов и критиков.

НИКОЛАЙ ЗАБОЛОЦКИЙ

кого называют “сломленным”, “изуродованным” и даже “неподлинным”. Как все это неверно и как бесконечно далеко от настоящего Заболоцкого! Однако мифы не развенчивают звонкими фразами, красивыми афоризмами, острыми словами. Для этого требуется целая книга.

I. В ПРОВИНЦИИ, ВДАЛЕКЕ ОТ МОРЯ

Родословная. Семья. Сернур. Марийское язычество.
Православие и национальное воспитание. Прекрасный Уржум.
“Местный Хогвартс”. Стихи о Змее Горыныче.
Немецкий язык и порядок. Революция и журнал “Жулик”.
Разочарованный учитель-либерал.

1

“Наши предки происходят из крестьян деревни Красная Гора Уржумского уезда Вятской губернии. Деревня расположена на высоком берегу реки Вятки, рядом с городищем, где, по преданию, было укрепление ушкуйников, пришедших в старые времена из Новгорода или Пскова”⁴, — так рассказывал о своем происхождении Николай Заболоцкий.

Правда, в истории России известен аристократический род Заболоцких, или Заболотских. Они происходили от смоленских князей и состояли в родстве со Всеволожскими. Среди Заболотских встречались бояре, окольниковы, воеводы, стольники при государевом дворе. Их не раз упоминает Карамзин в “Истории государства Российского”. Род этот пресекался уже к началу XVIII века, однако существовали еще дворяне Заболоцкие, с потомками смоленских князей вроде бы никак не связанные.

Если бы Николай Заболоцкий в самом деле состоял с ними в родстве, то ему надо было бы это тщательно скрывать. Почти вся сознательная жизнь поэта пришлась на раннее советское время. Тогда дворянское происхождение было черной меткой, верным волчьим билетом. Но крестьяне Заболотские не состояли в родстве с однофамильцами-дворянами. Равно как сын плотника Юрий Гагарин никак не был связан с родом князей Гагариных.

Заболоцкий знал свою родословную только до прадеда, которого звали Яковом. Сын Якова, Агафон, родился крепостным в 1830 году. Николай Заболоцкий писал, что его дед попал в рекруты и отслужил в армии 25 лет, а позже снова стал под ружье. Вступил в дружину народного ополчения, когда началась Крымская война. Правда, в боях участия так и не принял: “Севастополь пал, не дождавшись своего защитника”, — замечает ироничный внук Агафона Яковлевича. Но война началась в 1853 году, когда Агафон Заболотский мог только-только поступить на службу. Да и 25 лет в армии уже не служили. В 1834 году срок службы сократили до 20 лет, в 1855-м — до 12. Так что если и отправился дед на войну, то не в ополчении, а в составе регулярной армии. В отставку Агафон Яковлевич должен был выйти в первой половине 1860-х. Он поселился в родном Уржумском уезде, где трудился лесным объездчиком. Агафон был человеком высокого роста и громадной физической силы — “гнул в трубку медные екатерининские пятаки”⁶. Своему сыну Алексею он сумел дать образование. Алексей Агафонович Заболотский окончил Казанское сель-

скохозяйственное училище и работал агрономом в Казанском, а позже в Вятском земстве*. С фотографий смотрит на нас солидный мужчина с окладистой бородой. Одет он в приличный городской костюм с жилетом и галстуком. Уже не крестьянин, а сельский интеллигент.

Женился земский агроном в тридцать восемь лет, по тем временам — очень поздно. Невеста — двадцатилетняя Лидия Андреевна Дьяконова — дочь учителя из уездного города Нолинска (Вятская губерния). Девушка усвоила модные тогда у интеллигенции революционные идеи. Российское общество было больно революцией. Сестра Лидии Миля даже сидела в тюрьме, сидел и племянник Алексея Заболотского Николай (Коля-большой).

Сам же Алексей Агафонович был человеком старого склада и патриархальных взглядов: “Трудно представить себе, что толкнуло друг к другу этих людей, столь различных по воспитанию и складу характера”, — вспоминал Николай Заболоцкий. Супруги часто ссорились.

Однако уже через год семейной жизни, 24 апреля 1903-го, на ферме в Кизической слободе под Казанью у Алексея и Лидии появился на свет старший сын —

* Земство — система местного самоуправления, созданная в период “Великих реформ” Александра II. Земства на свои средства открывали школы, больницы, фельдшерские пункты. Земства помогали и развитию агрономических навыков у крестьян. Земские агрономы обучали мужиков современным методам работы, убеждали перейти от отсталой, малоэффективной трехпольной системы к севообороту. Консультировали их.

СЕРГЕЙ БЕЛЯКОВ

Николай. Лидия Андреевна родит ему двух братьев (Алексея и Александра*) и четырех сестер: Веру, Марию, Наталью, Елену. Большая семья, которую обеспечивал только Алексей Агафонович. К тому же в 1909 году он потерял работу в Казанском земстве и вынужден был с семьей переселиться в большое торгово-промышленное село Кукмор — к северо-востоку от Казани. Подрабатывал там страховым агентом. Но скоро Алексея Заболотского снова пригласили на работу в земстве, и он переехал в Сернур.

От Сернура до Казани вдвое ближе, чем до Вятки, однако это большое и небедное село относилось к Вятской губернии. В Сернуре помимо церкви находились волостное правление, сельская школа и земская больница. Несколько богатых усадеб принадлежали купцам и священникам.

Семья заняла большой деревянный дом. Алексей Агафонович устроил среди заросшего травой двора цветник, где росли мальвы, настурции, гвоздики, петунии, лобелии и резеда. За домиком был “небольшой запущенный сад, спускающийся к мелкой речушке и еще подальше — к ключу, откуда весь окресток носил воду. Весной, когда все зеленело и распускались березки, в лесу (в нескольких верстах от села) марийцы из соседних деревень устраивали моление”⁷, — вспоминала сестра будущего поэта Вера Алексеевна. Ее старшему брату Николаю больше запомнилась усадьба богатого священ-

* Александр умер в младенчестве.

ника — “черный дряхлый дом из столетних бревен, величественный огромный сад, пруды, заросшие ивами”⁸, луга и рощи. В зарослях пели соловьи.

Кукмор, Сернур, Уржум — места, где с давних времен жили марийцы. Русские раньше называли их черемисами. После взятия Казани Иваном Грозным марийцы четырежды поднимали восстания против русской власти. Были они столь мощными, что остались в истории России как Черемисские войны. Со временем марийцы-черемисы помирились с русскими, стали строить избы с большими каменными печами на русский манер, но сохранили многие бытовые и кулинарные особенности. Они ели белок, ежей, змей, филинов, ястребов, мололи муку из сушеной рыбы. Но зато не охотились на диких уток и гусей. Более привычные нам блюда называли по-своему: лашка (суп с клецками), подкогыльо (вареники с творогом или мясом), сокта (колбаса из сала с крупой), команмелна (слоеные блины), туара (сырники), пура (пиво).

Большинство марийцев приняли православие*, но сохранили и свою традиционную языческую религию. Сейчас марийцев называют “последними язычниками Европы”**. Молились верховному Богу — Кугу-Юмо. Богу неба и судьбы Кава-Юмо. Матери вод Вуд-Аве. Богине плодородия и подательнице жизни Илыш-Шочин-Аве,

* Есть и марийцы-мусульмане.

** В начале XX века на это название могли бы претендовать и вотяки (удмурты), сохранившие даже древнюю практику жертвоприношений.

СЕРГЕЙ БЕЛЯКОВ

супруге бога Кугу-Юмо. Древнему великому богатырю Курьк Кугу Ену. Почитали духов предков. Покойников даже летом хоронили в зимней одежде и в саниах. Вместо храмов у марийцев для ритуалов, молитв и общения с богами были священные рощи. Юному Николаю довелось слышать марийского шамана или жреца. Во второй половине 1920-х, в споре с поэтом Александром Введенским о заумной поэзии, Заболоцкий припомнил впечатление от марийского язычества: “Вот это была настоящая заумь!”

Для русской и православной семьи Алексея Агафоновича это марийское язычество было лишь местной экзотикой. Николая водили в храм. Позднее, в Уржуме, он даже полюбил всенощные богослужения в “полутемной, мерцающей огоньками церкви”. Особенно ему нравился церковный хор. Когда певчие начинали “Великое славословие” (“Слава в вышних Богу, и на земле мир, и в человеках благоволение”) или молитву “Свете тихий Святая славы, безсмертнаго Отца Небеснаго”, “слезы подступали к горлу, и я по-мальчишески верил во что-то высшее и милосердное, что парит высоко над нами и, наверное, поможет мне добиться настоящего человеческого счастья”¹⁰, — вспоминал Николай Заболоцкий.

Однако на дворе начало XX века. В России тогда немногие интеллектуалы, вроде Николая Бердяева и Дмитрия Мережковского, возвращались в церковь, искали к Богу новый путь. У образованной молодежи религия не в моде. Николай поймет это, когда поступит в реаль-

ное училище*. Там над Законом Божиим и его преподавателями было принято только издеваться.

Другое дело — национальное воспитание, которым занимались и родители, и учитель сернурской школы отец Сергей. Школа была “бедная и скудная”, учились там в основном крестьянские дети¹¹, но о войне 1812 года они знали больше, чем многие российские студенты наших дней. В 1912 году Россия праздновала столетие победы над Наполеоном. Николаю было только девять лет, но он с товарищами уже знал “как свои пять пальцев всех героев Двенадцатого года”. Мальчишки “бредили Кутузовым, Багратионом, Платовым”¹². Вооружившись пиками и деревянными саблями, они отважно врубались в заросли крапивы, будто это были французские кирасиры или польские уланы. Друг друга награждали бумажными орденами. “Я неизменно был атаманом казачьих войск Платовым и никогда не соглашался на более почетные роли, ибо Платов представлялся мне образцом российского геройства, удали и молодечества”¹³, — писал Заболоцкий много лет спустя.

В Сернуре и позже в Уржуме семья Заболотских не бедствовала. Алексей Агафонович зарабатывал прилично. Судя по семейным фотографиям, все хорошо одеты, обуты. Разумеется, сыты. Иногда отец баловал детей — покупал икру, копченую рыбу, сыр.

* Реальное училище — среднее учебное заведение, где углубленно изучали математику и естественные науки.

СЕРГЕЙ БЕЛЯКОВ

Алексей Агафонович уважал книги и по мере сил собирал их. Выписывал журнал “Нива”. Подписчики получали как бесплатное приложение — собрания сочинений русских писателей. Покупал Алексей Агафонович и отдельные издания. Видимо, заказывал книги в Уржуме, Вятке или Казани. В большом книжном шкафу у него стояли томики Пушкина, Лермонтова, Державина, Льва Толстого, Достоевского, Тургенева, Гончарова, Лескова, Тютчева, Фета, Писемского, Помяловского, Кольцова, Никитина. Из авторов иностранных — Шекспир, Гюго, Гамсун. Там же помещалась “История государства Российского” Карамзина¹⁴.

Алексей Агафонович вырезал из календаря и наклеил на картонку такое наставление: “Милый друг! Люби и уважай книги. Книги — плод ума человеческого. Береги их, не рви и не пачкай. Написать книгу нелегко. Для многих книги — все равно что хлеб”¹⁵. Картонку он поместил за стекло книжного шкафа. Правда, сам Алексей Агафонович этих книг не читал. Не было ни времени, ни привычки к чтению. Лидия Андреевна читать любила, но у многодетной матери мало времени и много хлопот. Зато старший сын прочитал если не все, то многие книги из собранной отцом домашней библиотеки*.

Пока старший сын играл в атамана Платова и читал стихи Державина, отец учил крестьян, как определять “всхожесть семян, оценивать качество почвы и вносить

* Скорее всего, “Историю...” Карамзина Н. А. Заболоцкий не прочитал, потому что и позднее признавался, что знал историю слабо.

в нее минеральные удобрения”¹⁶. Одна из комнат его сернурского дома была оборудована под сельскохозяйственную лабораторию. Он не уедет из России и после революции и постарается вписаться в новую жизнь. В 1920-е станет председателем совхоза и даже получит под конец жизни звание Героя Труда*.

В 1932-м Николай Заболоцкий написал стихотворение “Венчание плодами”. Тогда он наверняка думал не только об Иване Мичурине и Лютере Бёрбанке, но и о своем отце.

Тут крепость яблоков, там башня из малины,
тут войско тыкв, тяжелых как снаряд,
и человечество с ногами исполина
лежит, беседуя с плодами наугад.
И новобрачные, едва поцеловавшись,
глядят на нас, из яблок приподнявшись.
И мы венчаем их, и тысячи садов
венчают нас венчанием плодов¹⁷.

2

Уржум располагается в 60 верстах от Сернура. В 1912 году девятилетний Коля Заболотский сдавал там вступительные экзамены в реальное училище. Они проходили

* Не путать с более поздним званием Героя Социалистического Труда, до появления которого Алексей Агафонович Заболотский не дожил.

“в огромном зале. Перед стеклянной дверью в этот зал толпились и волновались родители. Когда мать провела меня в это святилище науки, я слышал, как кто-то сказал в толпе: «Ну, этот сдаст. Смотрите, лоб-то какой обширный!»”, — вспоминал Николай Заболоцкий. Он успешно сдал тогда экзамены по Закону Божьему, по русскому языку и даже по устной арифметике, но в задаче запутался. Помог учитель — он “усмехнулся, ткнул пальцем куда следовало”¹⁸, мальчик быстро понял ошибку и задачу решил.

Саре Пратт, профессору славянских языков и литературы в университете Южной Калифорнии, родина Заболоцкого представляется ужасным захолустьем: “Вряд ли кто-либо еще из крупных русских поэтов родился на ферме. <... > Немногие провели свои первые 17 лет жизни в такой глухомани, как Кукмор, Сернур и Уржум”¹⁹. Но что такое “глухомань” и так ли плохо там жить? В Уржуме работали два кожевенных заводика, которые изготавливали цветную юфть. Ее Россия экспортировала по крайней мере с XVIII века. Даже англичане и американцы покупали этот товар. В повести Конан Дойля “Этюд в багровых тонах” Шерлок Холмс вместе с инспекторами Скотленд-Ярда Грегсоном и Лестрейдом осматривает труп богатого американца. Среди его вещей находят золотые часы *Barraud*, тяжелую и массивную золотую цепочку, золотое кольцо с масонской эмблемой, золотую булавку с рубином и бумажник из русской кожи, точнее — визитницу — *Russian leather cardcase*. В России тогда было много производителей юфти, но вполне воз-

можно, эта визитница была изготовлена из кожи, которую выделали именно в Уржуме.

В те же годы в Уржуме работали мыловаренный завод, лесопилка, а также казенный винный склад, который в мемуарах часто называют спиртовым заводом. Там был не только склад, но и производство.

Уржум — торговый город. Железной дороги в Уржум не было и нет. Линию Казанбургской железной дороги в 1914–1916 годах проведут южнее Уржума — через Вятские Поляны. Так что главной торговой магистралью города оставалась река Уржумка. Она впадает в реку Вятку, Вятка — в Каму, Кама — в Волгу. По реке из Уржума можно попасть в любой из городов на Каме и Волге, а если подняться из Волги в Оку, оттуда по Москве-реке можно было попасть и в Первопрестольную.

По большей части городок состоял из деревянных домиков, которые мало чем отличались от сельских избышек. В городе тогда насчитывалось 4800 жителей. На фотографии конца XIX века главную улицу Уржума — Воскресенскую — еще не замостили. Только с обеих сторон проезжей части появились дощатые тротуары. Ряды подстриженных деревьев отделяли их от немощенной дороги. Но в 1913 году люди в Уржуме уже просыпались “от стука лошадиных копыт по булыжной мостовой”²⁰. Так что город благоустраивали.

Центр был застроен каменными двухэтажными домами: торговые ряды, казначейство, особняки богатых купцов. Массивный Троицкий собор, построенный в конце XIX века в неовизантийском стиле, производил